

A woman with long, flowing red hair and striking red eyes is the central figure. She is wearing a black cropped sweatshirt with the word "Kaiser" in red script and "Kaiser Studio" in smaller text below it. She also wears black high-waisted jeans. The background is a dark, gothic landscape with a castle silhouette under a sunset sky with orange and red hues. The overall mood is mysterious and dark.

Патрушев Сергей

Невеста демона

Сергей Патрушев

Невеста демона

<https://litres.ru/74530249>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс ди Фальконе, архидьявол Бездны, устал от вечности и интриг. Всё меняется с появлением Беллы — гениальной мошенницы из трущоб, чьё безумие идеально совпадает с его собственным. Вместо покорной жены он получает партнёра по захвату мира.

Политические заговоры, магическая бухгалтерия и манипуляция высшим светом становятся их семейным хобби. Они играют на бирже тщеславия, покупают Гильдию Убийц и ломают Церковь через колено. Это история о любви монстров, где главная страсть — абсолютная власть, а романтика приправлена кровью и сарказмом.

Содержание

Глава 1. Выбор в красных тонах	4
Глава 2. Сделка на равных	22
Глава 3. Шок для свиты	44
Глава 4. Маска для смертных	62
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сергей Патрушев

Невеста демона

Глава 1. Выбор в красных тонах

Пыльца фей, рассыпанная по хрустальным люстрам балльного зала графини де Моро, должна была создавать иллюзию падающего снега. На деле же она лишь забивалась в носоглотку и вызывала у смертных аристократов приступы чихания, которые они стыдливо пытались скрыть за веерами из павлиньих перьев. Пахло приторными духами, растаявшим воском свечей и гнилью — едва уловимым запахом разложения, который всегда сопровождал высшую демоническую знать, когда те слишком долго находились среди живых.

Алекс стоял у мраморной колонны, лениво вращая в пальцах бокал с рубиновым вином. Для окружающих это был столетний «Шато Лафит», кровь старой лозы. Для него — дешевый заменитель, не способный ни утолить жажду, ни затуманить разум. Вино для демона его ранга было таким же бессмысленным атрибутом, как кружевные манжеты или правила этикета. Но он играл свою роль безупречно уже третье столетие подряд.

Высший демон, архидьявол седьмого круга, князь Преисподней. При дворе императора людей он носил титул герцога

Алекса ди Фальконе. Черный камзол без единой серебряной нити подчеркивал мертвенную бледность его кожи, а волосы цвета воронова крыла падали на плечи тяжелой волной. Если бы не глаза. Два провала в бездну, два осколка вулканического стекла, горящие ровным алым светом. Глаза, в которых любой человек видел отражение своих самых потаенных страхов.

— Герцог сегодня мрачен, — пропел над ухом голос виконта Леруа. Смертный, получивший дворянство за то, что вовремя подложил свою сестру под нужного чиновника. От него пахло страхом, дорогим парфюмом и несварением желудка.

Алекс медленно перевел на него взгляд. Виконт поперхнулся собственным комплиментом и сделал шаг назад.

— Я выбираю невесту, виконт, — ровно произнес Алекс. — Это событие требует определенной сосредоточенности.

По залу прошелестел шепот. Уже месяц высшее общество жило только этим слухом. Самый завидный, самый опасный и самый непредсказуемый жених империи решил остепениться. Старые матроны сбились с ног, пряча своих дочерей-невест подальше от красного взгляда герцога. Они знали: там, где появляется Алекс, льется настоящая кровь, даже если внешне все остается в рамках приличий.

— Говорят, вы склоняетесь к дочери маркиза Валансе? — осмелился спросить кто-то из-за спины. — У нее прекрасное приданое и...

— Она пуста, — отрезал Алекс. — Внутри ее черепной коробки нет ничего, кроме опилок и мыслей о новых шляпках. Мне нужна жена, которая сможет выдержать мой двор. И меня самого.

Это была ложь, смешанная с правдой. Ему действительно не нужны были запуганные девственницы, которые будут падать в обморок от одного его рыка. Ему нужен был союзник. Или хотя бы достойный противник в стенах собственного дома. Одиночество в высшем круге власти начинало тяготить даже существо, прожившее тысячи лет. А может быть, дело было в другом. В скуке. Абсолютной, всепоглощающей скуке бессмертного, которому давно перестали бросать вызов.

Двери в дальнем конце зала распахнулись. Обычно появление нового гостя сопровождалось суетой распорядителя, но сейчас слуги замерли, словно статуи. Шум разговоров мгновенно стих, сменившись звоном тяжелых хрустальных подвесок на люстрах — их задел невидимый порыв ледяного ветра.

Она вошла одна. Без отца, без свиты, без положенного по статусу жеманства. Высокая, облаченная в простое платье глубокого бордового цвета, которое казалось почти черным в полумраке зала. Никаких корсетов, сдавливающих ребра до синевы, никаких фальшивых цветов и пудры. Ее темные волосы были собраны в строгий узел на затылке, открывая длинную, изящную шею.

Но главным были ее глаза. Когда взгляды присутствующи-

щих обратились к ней, ожидая увидеть испуг или робость, они наткнулись на ответный удар. Чистый, незамутненный алый цвет. Не карий с красноватым отливом, не воспаленный от болезни, а именно багровый, пульсирующий собственной внутренней силой. Цвет свежей крови на снегу.

Белла. Дочь казненного десять лет назад мятежного генерала. Девушка, которую воспитывали улицы Нижнего города и наемничьи гильдии, прежде чем старый закон о прощении вернул ей конфискованный родовой особняк. О ней ходили легенды куда более жуткие, чем о самом Алексе. Говорили, что в двенадцать лет она лично перерезала горло имперскому инквизитору, пришедшему за головой ее матери. Говорили, что она спит с кинжалом под подушкой и предпочитает мужскую одежду. Говорили, что в ее венах течет не просто благородная кровь, а примесь древней магии крови, делающая ее равной чистокровным демонам.

Белла остановилась посреди зала. Она обвела толпу тяжелым, оценивающим взглядом, задерживаясь на лицах мужчин дольше положенного. Аристократки ахнули от такой дерзости. Мужчины занервничали.

Ее путь лежал прямо к нему. Она шла сквозь расступающуюся толпу, и люди шарахались от нее, как от прокаженной. Белла наслаждалась этим. Алекс чувствовал волны исходящего от нее презрения — густого, концентрированного, направленного на каждого червя, считающего себя венцом творения.

Когда между ними осталось три шага, она присела в реверансе. Идеально глубоко, идеально медленном, соблюдающем каждую букву протокола. Но в этом поклоне не было ни капли покорности. Лишь холодная насмешка.

— Ваша Светлость, — ее голос оказался низким, с легкой хрипотцой. Голос женщины, привыкшей отдавать приказы солдатам, а не просить защиты.

— Мадемуазель, — Алекс отставил бокал на поднос проходящего мимо лакея. Лакей вздрогнул, стекло тихо звякнуло.

Они смотрели друг другу в глаза. Красный на красный. Две первобытные бездны столкнулись в беззвучном поединке. Толпа вокруг перестала существовать. Исчез запах гнилых духов, исчез звонкий смех фрейлин, исчез весь этот позолоченный зверинец. Остались только двое существ, наконец встретивших равного.

— Вы выше того, что о вас говорят, — констатировала Белла. — Большинство демонов вашего ранга предпочитают купаться в ужасе жертв. Вы же... скупаете.

Улыбка тронула губы Алекса. Впервые за последние пятьдесят лет ему захотелось рассмеяться в голос.

— А вы ниже, чем пытаетесь казаться, — парировал он. — За вашим стальным взглядом я вижу усталость. Вам надоело играть в прятки со смертью?

— Играть в прятки скучно, герцог, — она сделала еще один шаг вперед, вторгаясь в его личное пространство. От

нее пахло озоном после грозы, железом и дикими степными травами. — Скучно убегать. Куда интереснее диктовать условия.

Виконт Леруа, стоявший неподалеку, издал странный булькающий звук. Он смотрел на них двоих, сопоставляя факты, и понимание медленно превращало его лицо в маску животного ужаса. Демон высшего ранга никогда не берет в жены человека. Даже мага. Это невозможно физиологически, энергетически, магически. Ребенок от такого союза разорвет утробу матери или поглотит саму суть родителя при зачатии. Но эти двое стояли так близко, что воздух между ними трещал от напряжения, и это напряжение было созидательным. Они резонировали.

— Весь высший свет ждет, что я попытаюсь вас сломать, — тихо сказал Алекс, наклоняясь к самому ее уху. Его дыхание не шевелило волоски на ее коже. — Запереть в золотой клетке, лишить воли, сделать своей красивой куклой. Так поступают все мужчины вашего окружения.

— Попробуйте, — прошептала она в ответ, не отводя глаз. Уголок ее губ дернулся вверх. — Только учтите, герцог, мои клетки выкованы из адамантита. А волю нельзя забрать у той, кто продал ее дьяволу еще в колыбели ради выживания. Вы опоздали.

Слово «дьявол» повисло в воздухе. Кто-то из гостей перекрестился. Белла открыто издевалась, называя вещи своими именами прямо посреди бала смертных.

Алекс протянул руку. Это был жест абсолютной, непререкаемой власти. Жест, которым он открывал порталы в Бездну и низвергал целые династии. Рука аристократа, привыкшего владеть всем, до чего могла дотянуться.

— Станьте моей женой, — произнес он. Это не было вопросом. Это было объявление войны всему этому залу.

Белла посмотрела на его ладонь. Тонкие пальцы, длинные, сильные, способные одним движением свернуть шею быку. Затем она вложила свою руку в его.

Ее кожа оказалась горячей. Обжигающе горячей, словно внутри нее горел кузнечный горн. Там, где их ладони соприкоснулись, по воздуху пробежала рябь, искажая реальность. Магия крови отозвалась на зов древнего хаоса.

— Я согласна, — сказала она громко, чтобы слышал весь зал. — Но у меня есть условия.

Вот оно. Момент истины. Сейчас высокомерный демон покажет свой истинный оскал. Послышался тихий треск — это лопнула стеклянная роза в вазе позади них от перепада давления.

— Назовите их, — спокойно ответил Алекс, переплетая их пальцы.

— Первое: никакой спальни по принуждению. Мой клинок будет спать под подушкой, и если ваши руки окажутся там, где им не рады, вы проснетесь чуть менее целым.

В зале наступила такая тишина, что стало слышно, как бьется сердце барона Кросби — быстро-быстро, предсмерт-

но. Старая графиня де Моро схватила за сердце. Жених обсуждает брачное ложе до венчания, а невеста угрожает ему кастрацией.

— Разумное требование для сохранения моего здоровья,
— кивнул Алекс. — Второе?

— Второе: моя независимость. Мои счета, мои люди, мои контракты на убийство... простите, торговые соглашения с Южными островами остаются моими. Вы не лезете в мой бизнес, я не мешаю вам пытаться ваших должников в подвалах ратуши.

— Справедливо. Третье?

Белла чуть сжала его пальцы. Давление возросло настолько, что мраморный пол под их ногами пошел мелкой сеткой трещин.

— Мы будем честны друг с другом. Никаких интриг за спиной. Никакой лжи во благо. Если вы решите избавиться от меня — сделайте это в лицо. Если я решу отравить ваш утренний кофе — я предупрежу об этом за завтраком.

Алекс запрокинул голову и расхохотался. Громко, раскатисто, совершенно неприлично для великосветского приема. Смех демона заставил задребезжать окна. Страх в зале стал физически ощутимым, плотным, как туман. Люди начали оседать на пол — дамы в обмороки, кавалеры от разрыва сосудов в мозгу. Золотая пыльца с люстр посыпалась вниз серебристым дождем.

— По рукам, моя леди, — отсмеявшись, сказал он, снова

становясь серьезным. — Вы только что вышли замуж за чудовище. Вы уверены, что ваша сталь не даст трещину?

— Чудовища ломают зубы о тех, кто тверже, — усмехнулась Белла, притягивая его руку ближе. — А теперь поцелуйте меня, герцог. Кажется, старая графиня вот-вот испачкает свой шелковый веер рвотой от страха. Нужно закрепить сделку, пока публика окончательно не разбежалась.

Он наклонился к ней. Их красные глаза оказались в дюйме друг от друга. В этот момент они не были демоном и человеком. Они были двумя хищниками, нашедшими идеального партнера для охоты.

Их губы встретились.

Поцелуй не был нежным. Это был акт доминирования и подчинения одновременно. Огонь встретился с кровью. Хаос коснулся упорядоченной ярости. Земля под ногами дрогнула, и массивная бронзовая люстра в центре зала с оглушительным грохотом рухнула вниз, осыпая осколками танцпол. Никто не пострадал — Алекс небрежным щелчком пальцев удержал многотонную махину в паре дюймов от пола, продолжая целовать свою будущую жену.

Когда он оторвался от ее губ, Белла тяжело дышала. На ее идеальной фарфоровой щеке расцветало темное пятно кровоподтека — след его клыков, которыми он едва не прокусил ей кожу. Она провела языком по месту укуса, слизывая выступившую каплю крови, и улыбнулась.

— Неплохо для начала семейной жизни, — прохрипела

она. — Хотя технику стоит подтянуть. Вы слишком сдерживаете силу.

— Всему свое время, — Алекс провел большим пальцем по ее подбородку. — Сначала церковь. Потом — уроки страсти. Вы будете лучшей ученицей в моей жизни, Белла. Или худшим кошмаром.

— Я предпочитаю совмещать, — она взяла его под локоть, крепко впившись ногтями в дорогой бархат камзола. — Ведите, муж. Покажите мне вашу преисподнюю. Надеюсь, там чище, чем в трущобах, где я выросла.

Они пошли к выходу сквозь застывшую, парализованную ужасом толпу. Слуги пятились к стенам. Аристократы вжимались в кресла. Белая королева и Черный король шли сквозь шахматную партию, сбросив фигуры на пол.

У самых дверей Белла внезапно остановилась. Обернулась. Ее взгляд нашел виконта Леруа, который пытался спрятаться за колонной, но дрожащие колени выдавали его.

— Кстати, о слабых мужчинах, — громко сказала она, обращаясь ко всему залу. — Виконт. Ваше вино отвратительно разбавлено водой, а парфюм скрывает запах чужого мужа, с которым ваша сестра изменяет вам в вашей же карете. Будьте добры, проваливайте с моих глаз. И передайте императору, что герцог ди Фальконе больше не принимает приглашений на приемы, где подают плохую еду. Мы предпочитаем обедать дома. Втроем.

— Втроем? — переспросил кто-то из угла.

Белла повернула голову к Алексу и вопросительно подняла бровь.

— Ах да, — вспомнил Алекс. — Наш сын. Нам нужно обсудить имя. Я подумывал назвать его Абаддон. Звучит достаточно угрожающе для наследника двух монстров.

Белла довольно оскалилась, обнажая кончики удлинившихся клыков.

— Слишком банально. Назовем его Марк. Пусть враги недооценивают его, считая простым смертным.

Они вышли в ночь. Холодный осенний ветер ударил в лицо, разнося по площади остатки эха рухнувшей люстры и панических криков изнутри. Кучер подал открытую коляску, запряженную вороными жеребцами с горящими адским пламенем глазами.

Алекс помог невесте подняться на подножку. Вместо того чтобы сесть напротив, как предписывал этикет, Белла бесцеремонно плюхнулась рядом с ним на узкое сиденье, прижавшись плечом к его плечу.

— Трогай! — крикнула она кучеру, закидывая ноги в дорогих кожаных сапогах на противоположное сиденье. — И поживее, пока гости не очнулись и не решили, что могут оспорить выбор господина.

Коляска сорвалась с места. Красные фонари на углах экипажа отбрасывали причудливые тени на лица пары.

— Вы понимаете, что подписали контракт с существом, которое уничтожает миры ради развлечения? — спросил

Алекс, глядя прямо перед собой на бегущую дорогу.

— Вы тоже только что связали свою вечность с женщиной, которая однажды сожгла целый бордель вместе с клиентами, потому что ей не понравился сервис, — фыркнула Белла, доставая из рукава платья тонкий стилет и задумчиво крутя его в пальцах. — Думаю, мы квиты.

— Ваш отец поднял мятеж против короны. Вас должны были четвертовать.

— Меня спас император лично. Сказал, что такие бешеные собаки полезны, если держать их на коротком поводке. Вот только поводок перегрызли еще в детстве.

— Зачем вам я? — прямо спросил он. — У вас есть деньги, влияние, армия головорезов. Вам не нужен муж-демон. Со мной опасно.

Белла отложила стилет и повернулась к нему. В свете уличных фонарей ее алые глаза казались жидким металлом.

— Потому что одиночество на вершине воняет хуже выгребной ямы, Алекс. Ты смотришь вниз и видишь копошащихся муравьев. Ни поговорить, ни выпить. Все либо боятся тебя, либо хотят использовать. А ты... ты единственный здесь, кто смотрит на горизонт, а не себе под ноги. Мне нужен тот, кто поймет разницу между властью ради власти и властью ради возможности послать всех к чертям.

Она придвинулась еще ближе, почти касаясь губами его уха.

— И потом, — выдохнула она, — никто другой не вы-

держит нашего ребенка. Он порвет любого обычного няньку. А нам понадобится очень много хороших нянек. Наследник герцога ди Фальконе должен быть безупречен. Пока не придет время выпускать когти.

Алекс впервые за тысячелетия почувствовал нечто похожее на предвкушение. Не голод, не азарт битвы, а чистый, ничем не замутненный интерес к завтрашнему дню. Эта женщина была ходячей катастрофой. Она была огнем, который мог согреть или спалить дотла.

Он посмотрел на свои руки. Ногти едва заметно вытянулись, принимая форму черных алмазных когтей. Его вторая натура реагировала на близость сильной крови, признавая в ней вожака стаи.

— Добро пожаловать домой, леди ди Фальконе, — сказал он.

— Не смей называть меня «леди», — тут же огрызнулась она. — Меня зовут Белла. И если ты еще раз попробуешь провернуть со мной свои демонические штучки с давлением воздуха и трескающимся полом, я кастрирую тебя этим стилетом прямо на глазах у всего двора. Понял?

— Более чем, — Алекс склонил голову в шутовском поклоне, и в глубине его зрачков плясали языки пламени. — Как скажете, Белла.

Коляска въехала на территорию поместья ди Фальконе. Огромный готический замок возвышался на холме, освещенный вспышками зарниц. Небеса над ним никогда не бы-

вали полностью чистыми.

Начиналась новая игра. Игра без правил, где ставкой были души, а фигурами — сами игроки. И впервые за долгие века Алекс ди Фальконе точно знал, что делает правильный ход. Рядом с ним сидела та, кто не побоялась поставить шах и мат самой Бездне.

Просторный вестибюль замка встретил их гулким эхом шагов и запахом озона. Главный мажордом, древний лич, служивший еще отцу Алекса, склонился в нижайшем поклоне. Его высохшие челюсти клацнули.

— Поздравляю с помолвкой, господин. Подготовить северное крыло для госпожи?

— Подготовить всю мою половину, старик, — бросил Алекс, помогая Белле снять тяжелый дорожный плащ. — И пришли вина. Настоящего. Из погребов шестого круга. Сегодня мы празднуем обретение здравого смысла.

— И мяса, — добавила Белла, разминая шею. — Кровавого. Я неделю питалась консервированной фасолью в дороге, иначе пришлось бы убить пару попутчиков. Моя пищеварительная система плохо переносит человечину на публике. Плохой тон.

Лич моргнул пустыми глазницами, молча принял плащ и растворился в тенях коридоров.

Они остались одни в огромном холле, украшенном гобеленами с изображением битв демонов и ангелов. Белла по-

дошла к рыцарским доспехам XV века, стоявшим у подножия главной лестницы, и бесцеремонно постучала костяшками пальцев по нагруднику.

— Хорошая работа. Тяжелый. Под юбку такое не наденешь, придется менять гардероб, — она критически осмотрела свои руки. — Эти кольца мешают правильно держать эфес. Надо будет заказать перчатки без пальцев.

Алекс наблюдал за ней, прислонившись плечом к стене. Вся его хваленая хитрость, сотни лет плетения интриг и управления потоками душ вдруг показались детскими играми в песочнице. Эта девушка мыслила иными категориями. Эффективность. Практичность. Выживание.

— Тебе не страшно? — спросил он тихо.

Белла обернулась. В полумраке ее алые глаза светились особенно ярко. Она подошла вплотную, вторгаясь в зону его комфорта так же естественно, как дышала. Протянула руку и коснулась его груди, прямо над сердцем. Там, под слоем ткани и кожи, билось нечто иное — клубок первородного мрака и вечного огня.

— Страшно бывает тому, кому есть что терять, — ответила она. — А я потеряла всё еще тогда, когда смотрела, как вешают моего отца. После этого смерть перестает пугать. Она становится просто неудобством.

Ее пальцы скользнули выше, зарылись в его волосы на затылке, притягивая его голову вниз. Она была высокой для женщины, но ему все равно приходилось смотреть на нее

сверху вниз.

— А теперь скажи мне правду, демон, — ее голос упал до шепота. — Зачем тебе это *действительно* нужно? Император хочет привязать тебя обязательствами? Совет Высших давит? Или твоя бесконечная тьма просто устала отражаться только в криках грешников?

Вопрос попал в цель точнее арбалетного болта. Алекс прикрыл глаза. Ложь между ними была запрещена условиями, которые она сама же и выставила минуту назад.

— Я коллекционирую редкости, — признался он. — Картины, древние артефакты, уникальные души. Я собирал их веками. Но я никогда не встречал существа, чья душа горит так же ярко, как моя собственная, не сгорая при этом дотла. Ты — аномалия, Белла. Опечатка в Книге Бытия. И я хочу оставить тебя себе. Полностью. Со всей твоей грязью, твоими убийствами и твоим невыносимым характером.

Она молчала долго. Достаточно долго, чтобы Алекс начал сомневаться, не перешел ли он границу дозволенного. Наконец, уголки ее губ дрогнули.

— Коллекционер, значит, — она отпустила его волосы и отступила на шаг, возвращая дистанцию. — Что ж, добро пожаловать в коллекцию, герцог. Только учти: экспонаты имеют свойство кусаться. Особенно если их пытаются поставить на полку пылиться.

Она развернулась на каблуках и уверенно двинулась в сторону западного крыла, где располагались хозяйские покои.

— Куда ты? — окликнул ее Алекс.

— Осматривать спальню, — бросила она через плечо. — Проверю толщину балдахина, наличие тайных ходов за картинами и прочность засовов. Если засовы слабые, я прикажу заменить их на зачарованные. Не хватало еще, чтобы твои ревнивые бывшие любовницы пролезли сюда ночью с ядом.

— У меня не было бывших...

— Значит, будут будущие, — отрезала она, скрываясь в темноте коридора. — Я не жадная, Алекс. Делись. Но если какая-нибудь суккуб посмеет оставить чешую на моих подушках, я сниму с нее шкуру. Буквально.

Звук ее удаляющихся шагов затих. Алекс остался стоять в тишине огромного холла. Замок, который столетия казался ему пустой, холодной раковиной, вдруг наполнился смыслом. Воздух вибрировал от присутствия другого сильного существа. Где-то наверху хлопнула дверь. Послышался звон разбитого стекла — вероятно, Белла решила проверить окно на прочность, просто толкнув его рукой.

Алекс ди Фальконе запрокинул голову и тихо, совсем не демонически рассмеялся.

— Добро пожаловать домой, — повторил он в темноту. — Начнем игру.

И впервые за тысячи лет Великий Дом ди Фальконе перестал быть просто династией смерти. Он стал началом чего-то неизмеримо большего. Союзом двух равных сил, готовых перевернуть этот прогнивший мир вверх дном просто потому,

что им было скучно наблюдать за его увяданием. Первая глава их совместной истории закрылась, оставив после себя запах озона, вкус чужой крови на губах и сладкое осознание того, что самое интересное только начинается.

Глава 2. Сделка на равных

Свадебная церемония в Соборе Святого Микаэля была актом чистого политического террора.

Император лично держал венец над головой Алекса, и костяшки его пальцев побелели от напряжения. Высшая знать империи стояла по стойке смирно, боясь лишний раз вдохнуть спертый воздух храма, пропитанный ладаном и страхом. Ладан не работал. Демоническая аура Алекса ди Фальконе выжигала любые благовония, оставляя лишь запах озона и плавящегося воска.

Белла стояла рядом. Вопреки традициям, она отказалась от тяжелого платья из парчи и горноста. На ней был сшитый на заказ костюм из плотного черного шелка — приталенный жакет, подчеркивающий узкую талию, и широкие брюки, заправленные в высокие сапоги мягкой кожи. Никакой фаты. Ее волосы были уложены в сложную конструкцию, открывающую шею, но несколько прядей намеренно выбились, падая на алые глаза. Она выглядела как наемница, случайно забредшая на чужую коронацию.

Когда священник дрожащим голосом произнес: «...и пусть никто не разлучит тех, кого соединило Небо», Белла громко хмыкнула. Звук эхом отразился от гулких сводов. Священник икнул и едва не выронил крест.

— Небо здесь ни при чем, святой отец, — тихо, но так, что

услышали в первых рядах, сказала Белла. — Мы заключили сделку в Бездне. Идите уже ужинать, у вас руки трясутся от голода.

По рядам аристократов прошелестел вздох, похожий на предсмертный. К вечеру столица будет гудеть, обсуждая неслыханную дерзость невесты герцога. К полуночи половина этих сплетников начнет паковать вещи, готовясь бежать к границам империи.

Пир во дворце длился до глубокой ночи. Алекс сидел во главе стола, излучая ауру ленивого превосходства. Он почти ничего не ел, лишь методично ломал серебряными пальцами птичьи кости, извлекая мозг. Его взгляд время от времени останавливался на жене. Белла сидела по левую руку от него. Она игнорировала столовые приборы, предпочитая рвать руками запеченного целиком поросенка, заедая его острым перцем и запивая ледяной водкой из хрустального штофа.

Она вела переговоры с послом Южных островов прямо через стол, торгуясь за пошлину на специи, пока жир стекал по ее изящным пальцам. Посол, огромный зеленокожий огр, смотрел на нее с неприкрытым обожанием. Еще бы — женщина, которая может перепить огра и обхитрить демона, достойна уважения.

— Вы позорите меня, леди, — прошипел ей на ухо граф де Витторио, старый интриган, когда проходил мимо их стола. — Ваше поведение недопустимо.

Белла медленно повернула голову. Ее красные глаза потемнели до цвета запекшейся крови. — Граф, если я захочу опозорить вас, я сделаю это публично, используя ваши же любовные письма к конюху. А сейчас закройте рот. Запах вашей гниющей изнутри печени портит мне аппетит.

Граф позеленел и поспешил прочь. Алекс наблюдал за этим коротким обменом репликами, приподняв одну бровь. Его забавляла эта игра, но где-то в глубине первородной тьмы ворочалось беспокойство. Она играла с огнем в комнате, полной бочек с порохом. Одно неверное слово, один сорванный нерв какого-нибудь инквизитора — и начнется резня.

— Тебе стоит быть осторожнее, — заметил он, когда они наконец остались одни в своих покоях. Часы в главном зале пробили три удара после полуночи.

— Осторожность — удел слабых, которые боятся умереть, — отрезала Белла, сбрасывая камзол на пол. Тяжелая ткань упала с глухим стуком. — Я предпочитаю эффективность. Если этот мешок с требухой боится моих слов больше, чем твоих когтей, значит, мои слова работают лучше. Экономия сил.

Двери главной спальни закрылись за ними с мягким щелчком. Звуки дворца мгновенно отсекло мощными чарами тишины. Пространство вокруг начало меняться. Воздух загустел, стал тяжелым и горячим. Стены комнаты, облицованные мореным дубом, начали подрагивать, проступая

сквозь них истинная суть жилища архидьявола — базальтовые скалы седьмого круга Преисподней, покрытые светящимися фиолетовыми кристаллами. Пол превратился в гладкое обсидиановое зеркало, отражающее багровое небо.

Алекс сделал шаг вперед. Его фигура словно выросла, заполняя собой пространство. Черты лица заострились, кожа стала еще бледнее, приобретая оттенок старого мрамора, а между черных волос прорезались короткие, острые рога. Истинная форма высшего демона всегда подавляла волю смертных одним своим присутствием.

— Теперь мы одни, — его голос изменился, спустившись на октаву ниже, обретая резонанс, от которого вибрировали стекла. — Традиции моего народа требуют подтверждения союза. Ты готова преклонить колени, жена?

Это было испытание. Последняя проверка перед тем, как поставить клеймо абсолютной власти. Он ожидал увидеть трепет. Ожидал увидеть хотя бы секундную заминку, инстинктивный человеческий страх перед существом, способным уничтожить галактику усилием мысли.

Белла неспешно подошла к массивному платяному шкафу. Открыла дверцу, достала оттуда тяжелый метательный топорик на короткой рукояти — свою любимую секиру — и небрежно бросила его на огромную кровать красного дерева. Дерево жалобно скрипнуло.

— Преклонить колени? — она переспросила, поворачиваясь к нему. В ее руках блеснул тот самый стилет из сва-

дебной кареты. — Алекс, ты меня вообще слушал, когда я говорила про засовы?

Она неторопливо прошла мимо него, проводя пальцем по острому краю его рога. Рог оказался горячим, как металл, только что вынутый из кузнечного горна. Белла даже не поморщилась от жара.

— Во-первых, — начала она, методично расстегивая пуговицы на своей рубашке, — я не твоя собственность. Я — твой партнер. Партнеры не стоят на коленях друг перед другом, если только не решили вместе искать потерянную под диваном серьгу.

Рубашка упала на пол. Под ней не было корсета или кружев — только плотная лента, поддерживающая грудь, и кожа. Много гладкой, загорелой кожи, покрытой сетью старых, давно заживших шрамов. Следы ножевых ранений, укусов нежити и магических ожогов. Карта ее жизни.

— Во-вторых, — она сделала еще один шаг, сокращая дистанцию до опасного минимума, — если ты думаешь, что брачная ночь демона — это когда рогатый монстр рычит и берет то, что хочет, размазывая жену по стене, то тебе пора обновить свои познания в физиологии. Моя матка не выдержит прямого напора твоей энергии. Нас испарит обоих еще на стадии раздевания. Так что вся эта демонстрация доминирования, — она кивнула на его изменившуюся форму, рога и пылающие адским пламенем глаза, — абсолютно бессмысленна.

Алекс молчал. Его первобытная ярость, привыкшая сметать города, столкнулась с непреодолимой стеной логики. Это было настолько абсурдно, что вызывало восхищение.

— Ты препарировешь мою природу кухонным ножом, — пророкотал он.

— Я спасаю наши жизни, идиот, — ласково ответила она. — Сядь.

Она толкнула его в грудь открытой ладонью. Удар не обладал физической силой, но содержал концентрированный импульс магии крови. Древний демон, сокрушавший армии, пошатнулся и тяжело опустился на край кровати. Не потому, что она его победила. Потому что ему стало дико любопытно.

Белла оседлала его бедра, бесцеремонно перекинув ногу через его колени. От ее близости исходил жар, совершенно отличный от демонического пламени — сухой, пряный, пахнувший степными травами и железом.

— Смотри внимательно, герцог, — прошептала она, наклоняясь к самому его лицу. Ее дыхание опалило его губы. — Сейчас я научу тебя заниматься любовью с равным. Без разрушений мебели.

Ее пальцы легли на его виски. Там, где чешуя переходила в кожу.

— Закрой глаза, — приказала она. — И открой каналы. Все. До самого дна.

Алекс повиновался. Он распахнул свое сознание, снимая

все печати, которые веками защищали мир от поглощения его сущностью. Потоки хаоса, мрака, памяти о сожженных мирах и криках миллиардов душ вырвались наружу. Комната дрогнула. По обсидиановому полу побежали трещины, из которых ударил зеленый огонь.

— Боишься? — спросил он, открывая пылающие глаза.

Белла улыбнулась. Но это была не человеческая улыбка. Ее собственные глаза вспыхнули внутренним светом, но не красным, а глубоким, рубиново-черным. Магия ее рода проснулась. Кровь древних колдунов, практиковавших запретные ритуалы слияния, отозвалась на зов демона.

— Я боюсь только скучного секса, — выдохнула она.

Она направила поток его собственной силы обратно в него же, но пропустив через фильтр своей крови. Энергия замедлилась. Оглушающий рев водопада превратился в глубокий, бархатный гул. Разрушительный потенциал трансформировался в чистую жизненную силу.

Их сознания соприкоснулись.

Это не было похоже на чтение мыслей. Это было полное погружение. Алекс увидел ее прошлое не картинками, а ощущениями. Холод камня тюремной камеры. Соленый вкус слез матери. Первый удар ножом — скользящий, по руке стражника, чтобы забрать ключи. Голод. Постоянный, выворачивающий внутренности голод, который научил ее ценить каждый кусок хлеба. И ненависть. Стержень из закаленной стали, заменивший ей позвоночник.

Он показал ей себя. Вечность в пустоте. Рождение из первородного крика вселенной. Миллионы лет одиночества. Искусственную радость от чужой боли, которой он пытался заполнить дыру размером с космос внутри своей груди. Свою усталость.

Они смотрели друг на друга без масок. Бог разрушения и девочка-сирота, ставшая королевой теней.

— Ты чудовище, — прошептала Белла, касаясь губами его шеи. — Но ты чертовски красивое и одинокое чудовище.

— А ты безумна, — ответил он, зарываясь лицом в изгиб ее плеча, вдыхая запах ее кожи. — Абсолютно, восхитительно безумна.

Его руки легли на ее талию. Обычное прикосновение демона такой силы оставило бы на человеке глубокие ожоги. Но сейчас энергия текла плавно, контролируемая ими обоими. Кожа Беллы покраснела от притока силы, но не сгорела. Напротив, старые шрамы на мгновение вспыхнули белым светом и исчезли, затягиваясь окончательно. Ее тело принимало его суть, адаптируясь, становясь крепче.

— Продолжай, — велела она, кусая мочку его уха. — Только попробуй остановиться, рогатый, и я кастрирую тебя этой самой рукой.

Дальнейшее потеряло признаки реальности. Это был танец двух гравитационных аномалий. Они двигались на грани физики и метафизики. Кровь смешивалась с жидким мраком. Каждый поцелуй отдавался вспышкой сверхновой где-

то в соседнем измерении. Белла царапала его спину, и вместо обычной человеческой крови из-под ногтей сочилось черное золото, тут же впитываясь в ее ладони, делая ее сильнее. Алекс сжимал ее бедра, и мышцы девушки трещали, перестраиваясь под нечеловеческую нагрузку, принимая более эффективную, хищную форму.

В какой-то момент потолок спальни перестал существовать. Над ними раскинулась воронка портала в Бездну. Мимо пролетали ошметки забытых кошмаров и души грешников четвертого разряда, которые в ужасе махали им руками, узнав своего повелителя.

— Они думают, мы оргия, — прохрипел Алекс, чувствуя, как Белла впивается зубами в его плечо, выпивая капли его эссенции.

— Пусть завидуют, — прорычала она в ответ, ускоряя ритм. — Демон, если ты сейчас же не...

Конец фразы утонул в беззвучном взрыве. Оргазм накрыл их одновременно, но это не было просто спазмом мышц. Их сущности совершили окончательное слияние. Тонкая, невидимая нить судьбы, связывающая супругов, превратилась в стальной канат, способный выдержать падение звезды.

Пространство схлопнулось.

Они лежали на огромной кровати среди обугленных шелковых простыней. Потолок снова был деревянным, хотя местами слегка дымился. За окном занимался серый рассвет.

Белла лежала поверх него, тяжелая, мокрая от пота, дыша-

ла глубоко и ровно. Ее сердце билось размеренно, как метроном элитного убийцы. Алекс обнимал ее, перебирая влажные темные волосы. Впервые за долгое время он чувствовал тепло. Настоящее физическое тепло, исходящее от другого существа.

— Жива? — спросил он, просто чтобы нарушить звенящую тишину.

— Приподними меня, — вместо ответа попросила она. — Ноги затекли. И кажется, твои рога оставили пару дырок в моем плече. Надо будет заказать кожаные накладки для таких случаев.

Алекс фыркнул и телекинезом переместил ее выше, укладывая удобнее рядом с собой.

— Ты нарушила законы физики, анатомии и здравого смысла, — сказал он, глядя в потолок. — Я чуть не провалился в свой собственный Ад от переизбытка эмоций. Это было... эффективно.

— Я знаю, — она сонно потянулась, как большая кошка. — Кстати, насчет условий нашего брака. Список расширяется.

Алекс напрягся. Его рука рефлекторно дернулась к кинжалу, которого не было под подушкой.

— Первое, — продолжила Белла, закидывая на него ногу, утверждая территорию. — Никаких суккубов. Вообще никаких демонесс низшего порядка. Если приспичит — используй иллюзии. Я не делю постель с чужими энергетическими

отпечатками. Мне потом эту вонь неделю вытравливать.

— Приемлемо, — легко согласился Алекс. Суккубы казались ему невыносимо болтливыми еще до встречи с Беллой.
— Второе?

— Второе. Мой кабинет — моя территория. Когда дверь закрыта, ты неходишь. Даже если там приносят в жертву младенцев. Хотя нет, младенцев можешь спасти, они невкусные. Но вмешиваться в логику моей гильдии запрещаю.

— Третье? — подбодрил он.

— Третье. Наш сын. Марк. Он пойдет учиться фехтованию к лучшему мастеру Империи, а не к твоим палачам. Я не хочу, чтобы мой ребенок умел только отрывать головы. Ему нужно уметь танцевать менуэт, чтобы вонзать кинжал под лопатку танцующей пары незаметно для охраны.

Алекс представил восьмилетнего мальчика, безупречно выполняющего придворный поклон, и всаживающего отравленный шип в глаз собеседнику отца. Картина вызвала у него приступ гордости.

— Договорились. Что взамен?

Белла открыла один глаз. Красный радужка пульсировала в полумраке.

— Взамен ты позволяешь мне перестроить западное крыло замка. Эти готические потолки давят на психику. Хочу нормальное панорамное остекление и систему центрального отопления. И библиотеку. Огромную. С лестницей на колесах.

— Ты выходишь замуж за архидьявола ради библиотеки?
— искренне удивился Алекс.

— Я выхожу замуж за архидьявола ради доступа к архивам Нижних кругов, — поправила она. — Там должны быть чертежи врат, которые строили еще до Первого Потопа. Мне нужно знать слабые места всех существующих барьеров. На всякий случай. Плюс, книги отлично горят, если придется экстренно заметать следы.

Она приподнялась на локте, нависая над ним. Уставшая, растрепанная, с размазанной по щеке сажей, но выглядящая абсолютно триумфально.

— Понял теперь, муж? — прошептала она. — Ты думал, берешь в жены трофей. Красивую, дерзкую зверушку, которую можно посадить на цепь в гостиной.

Ее пальцы коснулись его обнаженной груди, прямо над сердцем. Нажали чуть сильнее, болезненно.

— А получил себе личного аудитора, начальника службы безопасности и главного конкурента в одном лице. Я буду проверять твои счета. Я буду оспаривать твои решения на Совете. Я буду трахать тебя так, что стены будут плавиться, а потом требовать новую шубу.

Она наклонилась ниже, почти касаясь его губ своими.

— Попробуй только возразить, рогатый. Я ведь могу сделать нашу следующую ссору публичной. Представь заголовки газет: «Герцог ди Фальконе проиграл спор о бюджете на пытки собственной жене». Твоя репутация жестокого тира-

на рухнет навсегда. Придется стать милым. А ты выглядишь отвратительно, когда пытаешься быть милым.

Алекс смотрел в эти наглые, любимые глаза. Внутри него поднималась волна чего-то нового. Это не было вожделением — оно было удовлетворено. Это не было властью — власть подразумевала контроль, а контроля над этой женщиной не имел никто.

Это было уважение. Чистое, незамутненное уважение хищника к другому хищнику, стоящему с ним в одной стае.

— Ты разрушишь меня, — сказал он. Это прозвучало не как угроза, а как констатация факта.

— Мы разрушим друг друга, — мягко улыбнулась Белла. — И соберем заново. Более совершенными.

Она скатилась с него и встала с кровати голая, ничуть не стесняясь. Прошлепала босыми ногами по холодному полу к разбитому вчера зеркалу. Оценила синяк на бедре, оставшийся от его захвата.

— Отличная работа, — прокомментировала она. — Синяк сойдет через час, но память останется. Мне нравится.

Она обернулась через плечо. Свет утреннего солнца упал на ее фигуру, очерчивая идеальный контур.

— Идем завтракать, Алекс. У нас сегодня много дел. Нужно утвердить список гостей, которых мы убьем на следующем балу, чтобы остальные стали сговорчивее. Потом заседание Гильдии Торговцев — надо поднять пошлины на шелк. А вечером нам предстоит самое сложное.

— Что именно? — спросил он, натягивая штаны.

Белла хищно оскалилась, демонстрируя удлинившиеся клыки.

— Визит вежливости к твоей драгоценной мамочке. Великой Герцогине Бездны. Вот где начнется настоящая война, дорогой. Надеюсь, ты предупредил ее, что невестка умеет готовить яды из обычных садовых роз?

Алекс замер, уже наполовину одетый. Он совсем забыл о родительнице. Великая Герцогиня Лиастрия славилась тем, что превращала в пыль целые династии за недостаточно почтительный тон.

— Она попытается тебя убить, — честно сказал он.

— Пусть попробует, — Белла пожала плечами, выбирая платье. — У меня аллергия на проклятия, зато отличное чувство юмора. Передай маме, что я очень рада влиться в семью. И захвати ту секиру с кровати, пригодится.

Она вышла из спальни, оставив его одного посреди разгромленной комнаты. Алекс подошел к окну. Город внизу просыпывался в серой дымке. Где-то там, в этом муравейнике, люди жили, любили, боялись смерти. Им казалось, что приход к власти такого правителя, как он, принесет конец света.

Они ошибались. Конец света наступил бы, останься он один. Вечность апатии и холодной ярости.

Сейчас же впереди маячила самая интересная партия в шахматы, которую он когда-либо играл. Против целого ми-

ра, против Совета Демонов, против самой Судьбы. И напротив доски, перемазывая палец в клубничном джеме, сидела его жена, листающая трактат по токсикологии.

— Белла! — крикнул он вслед. — Какое имя мы выбрали для дочери? На случай, если первый блин выйдет комом и получится девочка.

Из столовой донесся ее смех: — Лилит! Чтобы жизнь медом не казалась никому!

Алекс запрокинул голову и расхохотался. Замок содрогнулся от его смеха, и с потолка посыпалась штукатурка.

Семейная жизнь начиналась прекрасно.

Завтрак сервировали в малой столовой, окна которой выходили на внутренний двор. Солнце уже поднялось выше, освещая тренировочную площадку, где лич-инструктор гонял новобранцев гвардии.

Белла сидела во главе стола, энергично работая вилкой и ножом. Утренняя овсянка с кровью (специально для мужа), черный кофе и свежие газеты. Она читала биржевые сводки, параллельно делая пометки в блокноте гусиным пером.

Алекс пил густую, дымящуюся субстанцию, которую официанты называли томатным соком. На самом деле это была эссенция страха заключенных из нижнего подземелья. После прошлой ночи обычный алкоголь казался ему пресной водой.

— Акции рудников упали, — сообщила Белла, прихлебыв-

вая кофе. — Кто-то распространяет слухи, что жила иссякает. Я выкупила сорок процентов доли утром через подставных лиц. К обеду, когда выяснится, что жиле конца нет, мы удвоим капитал.

— Казначейство Короны потеряет годовой бюджет, — меланхолично заметил Алекс, глядя на ее сосредоточенное лицо. — Император будет недоволен.

— Император будет занят подавлением мятежа на Севере, который мы спонсируем через посредников, — парировала она, переворачивая страницу. — Ему будет не до акций. Кстати, о мятеже. Нам нужны новые генералы. Старые слишком предсказуемы.

Она отложила газету и посмотрела на него.

— Сегодня днем придет Элара. Глава Гильдии Убийц. Говорят, она лучшая клинковая школа со времен Войны Кланов. Я хочу, чтобы Марк учился у нее.

— Элара требует плату услугами, — напомнил Алекс. — Она никогда не берет золото.

— Знаю, — кивнула Белла. — Поэтому мы отдадим ей графа Леруа. Того самого, что приставал ко мне на свадьбе. Он задолжал нам денег, труслив и плохо пахнет. Идеальный подарок для ассасина. Справедливая сделка.

Алекс усмехнулся. Логика его жены была жестокой, математически точной и невероятно эффективной. Она не тратила ресурсы на месть ради мести. Каждое действие приносило либо прибыль, либо стратегическое преимущество.

Раздался тихий стук в дверь. Не дожидаясь разрешения, в столовую вошла Лилит, старшая экономка замка. Или, как ее называла прислуга шепотом, «Мадам Паутина». Сухая, высокая женщина неопределенного возраста, знающая все тайны этого дома.

— Ваша Светлость, — Лилит поклонилась сначала Алексу, затем перевела настороженный взгляд на Беллу. — Пришло послание от Великой Герцогини Лиастрии. Матушка Вашего Светительства прибывает завтра на закате. Для инспекции новой хозяйки.

Лилит произносила каждое слово осторожно, будто ступала по минному полю. Старая экономка служила Алексу столетия и видела десятки фавориток. Все они покидали замок либо частями, либо в виде пепла. Эта новая игрушка господина продержалась дольше всех — целых два дня — и, судя по запаху дыма и экстаза, витающему в коридорах, успела пережить нечто большее, чем просто ужин.

Белла медленно положила ложку.

— Инспекция, значит, — протянула она. — Свекровь едет с проверкой. Как трогательно.

Она встала. Обошла стол, остановившись прямо перед Лилит. Женщина заметно побледнела, хотя куда уж бледнее.

— Послушай меня внимательно, дорогуша, — голос Беллы стал сладким, как медовая патока, но от этого звука у Лилит заledenели кончики пальцев. — Я не очередная шлюха твоего господина, которую нужно пугать взглядом. Я — Бел-

ла ди Фальконе. Завтра, когда эта старая ящерица переступит порог, дом должен сиять. Но не чистотой. Дом должен дышать угрозой.

Она наклонилась к самому уху экономки.

— Повесьте в холле портреты моих предков. Тех самых, с Южного континента. Да-да, тех, у кого шесть рук и глаза на затылке. Мама должна знать, что генофонд передается по материнской линии. Подготовьте винный погреб. Выкапайте туда бочки с «Черной Слезой» урожая тысяча сто второго года. Это яд, Лилит. Медленный, парализующий нервную систему высших демонов. Мы будем пить вино вместе, ведя светскую беседу. Если мама решит проверить меня на прочность ментальной атаккой, она обнаружит, что пьет чистый концентрат собственного бессилия.

Лилит смотрела на девушку широко раскрытыми глазами. В красных глазах невесты она увидела отражение той самой бездны, которой служил ее хозяин, но в этой бездне было гораздо больше человеческого коварства.

— Далее, — продолжала Белла, возвращаясь на свое место и допивая остывший кофе. — Еда. Ничего экзотического. Жареная курица. Хлеб. Сыр. Самая простая крестьянская еда. Высшие демоны презирают простоту. Она решит, что я издеваюсь, пытаюсь выставить ее деревенщиной. Это заставит ее совершить ошибку.

— А если она захочет осмотреть вашу спальню? — осмелилась спросить Лилит.

— О, обязательно захочет, — Белла кровожадно улыбнулась. — Пусть смотрит. Оставьте на туалетном столе набор хирургических инструментов для бальзамирования и открытый флакон с вытяжкой из мандрагоры. И письмо от тайного любовника... желательное, написанное на языке подземных кобольдов. Пусть ломает голову, почему жена ее сына спит с пещерным троллем.

Алекс поперхнулся эссенцией страха.

— У меня нет писем от кобольдов, — выдавил он.

— Уже есть, — невозмутимо ответила Белла. — Я написала его сама сегодня утром. Почерк подделала мастерски. Главное — создать правильный информационный шум, Алекс. Никогда не вступай в открытый бой с тем, кто старше. Опреди его в театре абсурда.

Лилит присела в глубоком реверансе.

— Вы будете великолепной герцогиней, госпожа, — прошептала она и пятясь, спиной вперед, выскользнула из столовой.

Как только дверь закрылась, Белла устало потерла переносицу.

— Ненавижу свекровей, — призналась она. — Особенно бессмертных. Вечно лезут с советами, как правильно принести жертвы.

— Ты понимаешь, что если она поймет, что вино отравлено, она уничтожит весь наш род? — спросил Алекс. — Лиастрия параноидальна. Она чувствует ложь кожей.

— Она почувствует ложь, — согласилась Белла. — Но она не сможет понять, *зачем* лгу. Моя правда будет скрыта глубже. Я действительно хочу выпить с ней вина. Я хочу посмотреть в глаза женщине, которая родила тебя. Хочу понять, откуда в таком идеальном орудии убийства столько трещин.

Она обошла стол и села к нему на колени, совершенно не смущаясь присутствия слуг за дверью. Обхватила его лицо ладонями.

— А теперь, мой хитрый, могущественный, одинокий демон-муж, — прошептала она, заглядывая ему в глаза. — Скажи мне правду. Зачем ты женился на мне на самом деле? Только не говори про скуку. Скучающий тиран мог взять любую. Ты взял ту, что держит нож под столом. Что тебе нужно от девчонки из Нижнего города?

Вопрос вернулся, усиленный десятикратно. Теперь, после проведенной ночи, после слияния разумов, увливать было бесполезно. Барьеры пали.

Алекс положил свои руки поверх ее. Его ладони были намного крупнее, а пальцы заканчивались короткими, втянутыми когтями.

— Мне нужен наследник, — сказал он. — Не просто сосуд для передачи силы. Любой высший демон может породить чудовище. Но чудовище нестабильно. Оно пожирает само себя.

Он провел большим пальцем по ее нижней губе.

— Ты — стабилизатор, Белла. Твоя человечность, твоя

кровь, твоя невероятная воля к жизни... они заземляют меня. Рядом с тобой я не чувствую потребности сжигать города просто чтобы согреться. Ты даешь смысл бесконечности.

Он наклонился ближе, его дыхание коснулось ее кожи.

— И второе. Страх, — его голос стал серьезным, почти уязвимым. — Я правил тысячи лет. Меня ненавидят, боятся, боготворят. Но никто никогда не говорил мне «нет» всерьез. Никто не рисковал всем ради того, чтобы остаться собой. Кроме тебя. Ты единственная во всех известных мирах, кто посмотрел в Бездну, плюнул туда и потребовал скидку.

— Это называется бизнес-переговорами, — попыталась отшутиться она, но голос дрогнул.

— Это называется любовью, — закончил он. — Той ее формой, которая доступна существу вроде меня. Любовь — это найти того, чей хаос совпадает с твоим.

Белла долго смотрела на него. Затем ее губы дрогнули в подобии улыбки. Она прижалась лбом к его лбу, закрыв глаза.

— Тогда постарайся не разочаровать меня, рогатый, — прошептала она. — Потому что мой хаос крайне прожорлив. Если окажется, что ты врешь, я заберу твою душу, твою империю и твою последнюю приличную рубашку.

— Я учту, — ответил он, прижимая ее к себе теснее.

За окнами замка патрульные гарпии разрезали крыльями низкие облака. В подвалах дежурили боевые химеры. Весь мир ждал, когда Великий Дом ди Фальконе нанесет следую-

щий удар.

А в теплой столовой муж и жена, две самые опасные фигуры на шахматной доске мироздания, просто сидели обнявшись, планируя убийство старой демонессы с помощью дешевого вина и поддельных любовных записок.

И впервые за вечность будущее не казалось Алексу пустой серой равниной. Оно было ярким, непредсказуемым и пахло грозой.

Глава 3. Шок для свиты

Утро в замке ди Фальконе всегда начиналось одинаково. С криков.

Обычно это были крики грешников из пыточных подвалов, куда спускались по утрам младшие инквизиторы за свежими ингредиентами для зелий, или вопли нерасторопного поваренка, которому лич-мажордом решил напомнить о дисциплине путем ампутации лишних конечностей.

Но сегодня утром замок содрогнулся от совершенно иного звука. Это был звук шелка, разрезаемого ножницами с такой скоростью, что воздух пел.

— Выше! — командный голос Беллы эхом разносился по галерее восточного крыла. — Еще выше, я сказала! Я хочу видеть свои колени. Если мне придется спасти мир или перерезать горло послу, я должна делать это на шпильках, а не путаться в этих пыльных тряпках!

Личный портной герцога, старый имп по имени Грош, чья кожа напоминала пергамент, а руки тряслись уже лет двести, стоял на шаткой стремянке. Перед ним на специальной подставке возвышалась гора черного бархата, кружев и атласа стоимостью в годовой бюджет небольшой провинции. Сейчас этот шедевр высокой моды падал на пол бесформенными лохмотьями под аккомпанемент испуганного сопения мастера.

— Но госпожа... Ваша Светлость... Традиции Дома требуют шлейфа длиной минимум в пять шагов... И закрытое горло... Демонстрировать ключицы считается неприличным для супруги архидьявола, это провоцирует низших демонов на непотребства...

Белла стояла перед огромным зеркалом в одной нижней рубашке из тончайшего льна. Она критически осматривала свое отражение, поворачиваясь то одним боком, то другим. После вчерашней ночи ее тело претерпело изменения. Кожа стала еще чуть бледнее, приобретая тот самый аристократический фарфоровый оттенок, который невозможно получить без магии крови. Мышцы подтянулись, став более рельефными и хищными. Но главное — глаза. Они окончательно утратили человеческую глубину, превратившись в два пульсирующих рубина, светящихся собственным светом.

— Грош, — мягко произнесла она, не отрывая взгляда от зеркала. В этом мягкости было больше угрозы, чем в рычании Алекса. — Посмотри на меня. Что ты видишь?

Имп сглотнул так громко, что его кадык заболтался, как маятник. — Э-э-э... Идеальную женщину? Несравненную красоту? — Я вижу препятствие, — отрезала Белла. — Препятствие в виде юбки-карандаша, если на мне будет этот твой «приличный» фасон. Как, скажи на милость, я буду залезать на люстру, чтобы подслушивать советника императора через вентиляцию, если ткань будет сковывать бедра?

Она подошла к мастеру вплотную. Грош зажмурился,

ожидаю вспышки адского пламени или превращения в лягушку. Так поступали все высшие демоны, когда их капризы не исполнялись мгновенно.

Вместо этого тонкие пальцы Беллы цепко взяли его за морщинистый подбородок и заставили открыть глаза. — Мы сделаем вот как, — прошептала она ему прямо в лицо. — Ты сошьешь мне три дюжины платьев. Все они будут черными, темно-бордовыми или цвета запекшейся крови. Никаких рюшей. Никакого золота. Ткань должна быть легкой, но прочной, как кольчуга. Юбки — разрезанные до бедра. Корсеты — снаружи, поверх рубашек, чтобы их можно было сорвать одним движением и дышать полной грудью во время погони. И сапоги. Высокие, кожаные, с металлическими набойками. Чтобы звук моих шагов отдавался ужасом в сердцах твоих бывших коллег по преисподней. Ясно?

Грош часто-часто закивал. По его щеке скатилась капля густого, черного пота. — Д-да, моя госпожа. Сделаю к вечеру. — У тебя есть час, — улыбнулась Белла, показывая удлинившиеся клыки. — Или я расскажу Алексу, что ты пытался сэкономить на нитках для моего брачного костюма. А он очень трепетно относится к качеству одежды своих жен. Правда, дорогой?

Алекс сидел в глубоком кресле у окна, закинув ногу на ногу. Он неторопливо пил кофе, сваренный из зерен, выращенных на пепелищах Армагеддона, и наблюдал за сценой с выражением глубокого гастрономического удовлетворения.

— Абсолютная правда, — мурлыкнул демон, делая глоток. — Последний портной, который попытался надеть на нее балахон, сейчас работает ковриком у входа в северную башню. Впитывает грязь весьма эффективно. Не разочаровывай меня, Грош. Мне нравится мой новый коврик, но ради жены я готов пойти на замену интерьера.

Портной пулей вылетел из комнаты, сметая остатки тканей.

Как только тяжелая дубовая дверь захлопнулась, отсекая звуки суеты, Алекс поставил чашку на столик и медленно сложил ладони вместе. Раздался сухой стук костяшек. — Колени? Люстра? Подслушивание вентиляции? — протянул он. — Прошло двенадцать часов с нашей свадьбы, а ты уже планируешь государственные перевороты методами уличной кошки.

Белла наконец отвернулась от зеркала. Она прошла через комнату плавной, скользящей походкой пантеры. Ее босые ступни не издавали ни звука по каменному полу. Остановившись между разведенных колен мужа, она положила ладони на подлокотники кресла, заключив его в клетку своего тела.

— Кошки правят миром, рогатый, просто собаки слишком тупы, чтобы это замечать, — она наклонилась ниже, и ее волосы упали вперед, касаясь его плеч. — Кроме того, нам нужно обсудить мою охрану.

— Твою охрану? — брови Алекса сошлись на переносице. — Моя гвардия состоит из элитных убийц Бездны. Каждый

из них стоит тысячи смертных солдат. Чего тебе не хватает?

— Мозгов, — фыркнула Белла. — Твоя гвардия эффективна в открытом бою. Когда нужно разорвать армию огров или спалить город. Но они абсолютно бесполезны там, где нельзя использовать когти. На дипломатическом приеме. За карточным столом. В постели врага. Мне нужны тени. Люди. Лучшие шпионы Гильдии Нищих. Те, кто умеет становиться невидимыми не магией, а психологией. Чтобы никто не смотрел на пустое место.

Она выпрямилась, заложив руки за спину. Вся ее фигура излучала непререкаемую уверенность человека, привыкшего отдавать приказы и получать результат. — Назначь меня комендантом внутренней безопасности замка. Официально. Дай мне печать и доступ к казне разведки. Иначе я начну воровать твои деньги тайно, а тебе будет обидно.

Алекс откинул голову назад и расхохотался. Смех гулко прокатился по комнате, заставив задрезбездать хрусталь в шкафу.

— Ты понимаешь, что требуешь себе половину моей власти? — спросил он, отсмеявшись. Его глаза снова начали наливаться опасным багровым огнем. — Следующий шаг — дележка зубной щетки и ключей от врат Бездны.

— Зубная щетка общая, ключи от врат лежат в моем левом чулке, я переложил их ночью, пока ты спал, — невозмутимо парировала Белла. — Решай быстрее, Алекс. День расписан по минутам. Через полчаса смотр войск, потом обед с

казначеем, которого нужно запугать до мокрых штанов, чтобы выделил средства на перестройку западного крыла, а вечером примерка ядов для твоей матушки.

Демон долго смотрел на нее. Он видел сотни тысяч лиц за свою жизнь. Лица молящих о пощаде, лица гордые, лица искаженные предсмертной агонией. Лицо Беллы было спокойным. Абсолютно расслабленным. Для нее захват власти в древнейшем Доме Преисподней был рутиной. Просто очередной вторник.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Ты — Комендант Внутренней Безопасности. Бюджет неограничен. Полномочия абсолютные. Казнить можешь любого, кроме меня и, пожалуй, мажордома. Старика Лиаста жаль, он единственный здесь знает, где лежит чистое серебро.

— Серебро пересчитаем позже, — кивнула Белла, наклоняясь и запечатывая договор коротким, жестким поцелуем. — Спасибо. Кстати, о казни. Почему твоя личная гвардия смотрит на меня так, будто я призрак?

Они вышли на балкон главной башни ровно в десять утра. Солнце висело над горизонтом тусклым, болезненным диском — небо над владениями ди Фальконе никогда не знало настоящей синевы, оно всегда было окрашено в оттенки сепии и запекшейся крови.

Внизу, на внутреннем плацу, выстроились легионы. Черная сталь доспехов, алые плащи, черепа гаргулий на шлемах.

Сотня тысяч высших демонов-инквизиторов, рыцарей Хаоса и боевых химер. При появлении хозяина на балконе земля дрогнула. Легион ударил древками копий о плиты в едином порыве. Звук был похож на раскат грома, способный обрушить горы.

Алекс вышел вперед. Воздух вокруг него загустел, формируя боевые латы из чистой тьмы. Рога пронзили пространство, крылья распахнулись, закрыв собой полнеба. Архидьявол в своей истинной форме был воплощением первобытного ужаса.

— Дети мои! — его голос прогремел без всяких усилителей, достигая каждого солдата на краю горизонта. — Эпоха ожидания окончена! Скоро мы пойдем маршем на Небеса!

Войско взревело. Земля начала трескаться от вибрации.

Белла стояла в двух шагах позади него, облокотившись на резные перила балкона. На ней теперь было одно из тех самых новых платьев, которые Грош успел собрать за ночь — асимметричный черный корсет, оставляющий одно плечо открытым, и узкая юбка с высоким разрезом до талии. На ногах — те самые тяжелые ботинки. Она выглядела неуместно и пугающе среди готической роскоши замка, словно живое оружие, случайно забытое на выставке антиквариата.

Когда рев войска немного стих, произошло непредвиденное.

Центурион Первой Когорты, огромный минотавр с лицом, покрытым ритуальными шрамами, сделал шаг вперед. По

уставу он должен был смотреть строго перед собой, пожирая начальство глазами. Вместо этого его взгляд метнулся вверх, на балкон. Прямо на Беллу.

Минотавр замер. Его нижняя челюсть отвисла, обнажив желтые клыки размером с кинжалы. Затем случилось невероятное. Семифутовое чудовище, лично вырвавшее сердце Верховному Жрецу Единого Бога, побледнело. Буквально. Его бычья морда приобрела землисто-серый оттенок. Копье в его руках затряслось мелкой дрожью.

По рядам пронесся шепоток. Сначала тихий, потом нарастающий, как прибой. Демоны-воины, существа, сотканные из ярости и боли, опускали оружие. Кто-то упал на одно колено. Другие прижимали кулаки к груди в странном, защитном жесте.

Белла спокойно достала из-за пояса тонкий мундштук, вставила в него длинную черную сигарету, щелкнула пальцами, зажигая кончик зеленоватым пламенем, и глубоко затянулась.

— Что происходит? — мысленно спросил Алекс, не поворачивая головы и сохраняя монументальную позу властелина.

— Они видят аномалию, — так же мысленно ответила Белла, выпуская кольцо дыма. — Твой народ живет по законам силы. Сильнейший убивает слабейшего. Муж владеет женой. Хозяин ломает слуг. Ваше слияние душ прошлой ночью... оно отпечаталось на моей ауре. Они чувствуют запах

твоейметки. Но они также видят, что я стою. Что я курю. Что мне скучно. Их мозг отказывается обрабатывать эту информацию. Это когнитивный диссонанс космического масштаба. Ты пометил ту, кого невозможно сломать. Для них это выглядит как чудо. Или как конец света.

Центурион-минотавр рухнул на оба колена, глухо ударив латыным лбом о камень. Вслед за ним начали падать остальные. Десятки тысяч. Волна поклонов катилась от передних рядов к самым дальним флангам. Плац превратился в море склоненных спин, шипов и рогов. Армия Великого Дома ди Фальконе сдавалась. Не врагу. Своей новой хозяйке.

Алекс медленно повернул голову и посмотрел на жену. Уголок его губ дернулся вверх. — Кажется, приветственная речь сорвана, — констатировал он вслух.

Белла сделала последнюю затяжку и щелчком отправила окурок вниз. Маленький уголек канул в толпу. Откуда-то снизу раздался визг испепеляемого заживо неудачника. — Ничего страшного, — она поправила выбившуюся прядь волос. — Солдатам полезно иногда стоять на коленях. Воспитывает смирение.

Она оттолкнулась от перил и вышла из тени балкона на яркий, насколько это возможно в Бездне, свет. Положила руку на пояс, туда, где обычно висел клинок. — Господа офицеры! — крикнула она звонко, перекрывая шум ветра. — Встать!

Море тел пришло в движение. Демоны поднимались, оша-

рашенно хлопая глазами, пытаюсь понять, сон это или наказание свыше. Белла обвела взглядом первые ряды. Ее красные глаза сканировали каждую чешуйку, каждый нерв.

— Меня зовут Белла ди Фальконе, — ее голос звучал негромко, но обладал странным свойством проникать прямо в кости. — Я ваша новая герцогиня. Некоторые из вас думают, что человек не может управлять демонами. Вы ошибаетесь. Человек действительно не может. Но я — не просто человек.

Она подняла правую руку. На мгновение кожа на ней пошла трещинами, обнажая не плоть, а переплетение темных энергетических жил. Магия крови вспыхнула вдоль линий жизни, складываясь в древние символы. — Мой род практиковал запретные искусства, когда ваши прародители еще ползали в первичном бульоне Хаоса. Я могу выпить душу каждого из вас быстрее, чем вы успеете занести меч. Но я не стану этого делать.

Она опустила руку. Иллюзия исчезла, оставив лишь обычную, хоть и необычайно красивую женщину. — Потому что война требует эффективности, а не понтов. Герцог хочет идти войной на Небеса. Благородная цель, но глупая логистика. Ваши нынешние доспехи хороши для пыток крестьян, но пробиваются ангельским серебром на раз. Поэтому слушайте первый приказ вашей леди-командора: завтра к утру интендантская служба предоставит мне расчеты по замене тяжелой брони на облегченную мифриловую кольчугу двойно-

го плетения. Да, она дороже. Зато маневренность возрастет на сорок процентов. Вопросы?

На плацу повисла мертвая тишина. Можно было услышать, как падает перо с крыла пролетающего мимо стервятника. Вперед выступил начальник штаба, изящный демон-серафим с выжженными крыльями. Он поклонился с безупречным этикетом, хотя его хвост нервно хлестал по ногам. — Госпожа... Прошу прощения за дерзость... Но протокол ведения войны утвержден Советом Кругов тысячелетия назад...

Белла вздохнула. Достала из воздуха папку с документами и бросила ее к копытам серафима. — Ваш протокол — макулатура, написанная идиотами, которые проиграли Последнюю Войну. Читайте приложение номер четыре. Там схема обхода фланга через астральный план. Использует меньше жертвенной крови, дает больший охват. Совет утвердит, когда увидит результаты. Свободны. Приступайте к инвентаризации. И да... — она повысила голос, обращаясь ко всему строю. — Тот, кто назовет меня «человечишкой» или посмеет усомниться в праве моего мужа спать со мной, будет лично объяснять свои ошибки моему супругу. А он, как вам известно, крайне неразговорчив в процессе допросов. Ему сразу хочется перейти к хирургическому вмешательству.

Легион выдохнул. Это был единый, синхронный звук понимания. Армия влюблялась в нее. Истинный воин всегда узнает другого истинного воина, даже если тот носит платье

вместо лат. Белла говорила с ними на языке логики, стали и страха. Это была их родная речь.

Алекс, стоявший всё это время неподвижно, как изваяние, позволил себе широкую, почти мальчишескую ухмылку. Он обожал театр. Но этот спектакль превосходил лучшие постановки Королевского театра Империи.

— Разойдись! — рывкнул он, возвращая себе внимание. — Командиры — в малый стратегический зал. Герцогиня проведет брифинг.

Когда армия начала расходиться, соблюдая идеальный порядок, Алекс подошел к жене сзади. Обнял за талию, зарываясь носом в ее волосы. От нее пахло дымом, озоном и властью.

— Запретные искусства? — промурчал он ей в макушку. — Рисовала символы кровью на руке. Немного театрально, но сработало. — Импровизация, — она потерлась затылком о его подбородок. — Иногда проще показать фокус, чем читать лекцию по квантовой физике этим кирпичеголовым. Кстати, твой центурион-минотавр обделался при виде меня. Едва заметно, но датчики влажности в его броне зафиксировали выброс жидкости. Стоит списать парня в тыловые части или повесить за искренность эмоций?

— Повесить, — рассмеялся Алекс. — Искренность в моей армии ценится выше храбрости. Храбрых много, умных — единицы.

Он взял ее за руку, переплетая пальцы. Этот простой че-

ловеческий жест посреди плацдарма, полного ада, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Те немногие солдаты, кто еще задержался поблизости, замерли, глядя на сцепленные руки господ. Демон высшего ранга, чей палец мог сокрушать горы, нежно держал ладонь своей человеческой жены, словно величайшую драгоценность.

— Идем, — сказал Алекс, увлекая ее внутрь замка. — Нам предстоит самое сложное испытание дня. — Какое? Ужин с твоими генералами? — лениво поинтересовалась Белла, позволяя вести себя по коридорам. — Нет. Визит старой кухарки Марфы. Она заведует кладовыми с вареньем. Говорят, она страшнее Совета Кругов, когда кто-то трогает ее запасы малинового джема без спроса. А ты вчера съела целую банку.

Белла остановилась как вкопанная. — Варенье? Твои генералы боятся лезть в дела снабжения, потому что боятся женщины с половником? — Именно, — серьезно кивнул Алекс. — Древний закон замка: власть духовная принадлежит мне, военная — гвардии, а продовольственная — Марфе. Нарушить баланс нельзя, иначе взбунтуются желудки.

Белла несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, шутит ли он. Судя по абсолютно серьезному лицу древнего зла — нет. — Чудесно, — выдохнула она. — Я вышла замуж за повелителя Бездны, которым управляет женщина с пирогами. Где эта несчастная? Пойду извинюсь. Только не говори, что это был последний запас. — Был, — подтвердил

Алекс, открывая перед ней двери в личные покои. — Но я обещал ей, что разрешу вскрыть стратегический резерв консервированных персиков, если она сохранит твой язык. Пока она согласна торговаться. Поторопись, жена. Старая Марфа начинает точить тесак для разделки мяса, когда злится.

Кухня находилась на самом нижнем жилом уровне замка. Это было огромное помещение, освещенное теплым светом газовых ламп, наполненное запахом свежей выпечки, жареного лука и чего-то неуловимо уютного, домашнего. Контраст с готическими шпилями и лавовыми реками снаружи был настолько велик, что казалось, будто попал в другой мир.

За массивным деревянным столом, заваленным счетными книгами, сидела Марфа. Женщина неопределенного возраста (от пятидесяти до ста, смотря сколько съесть ее булочек), облаченная в белоснежный крахмальный фартук. Седые волосы были убраны под строгий чепец. Внешне она напоминала добрую бабушку из сказок, если бы не глаза. Маленькие, черные, блестящие бусинки глаз видели всё. И эти глаза сейчас метали молнии.

При виде вошедших хозяев Марфа тяжело поднялась. Ее мощная грудь вздымалась от праведного гнева. — Ваша Светлость, — пророкотала она басом, от которого, казалось, должны были лопаться стаканы. — Осмелюсь доложить, пропажа трехлитровой банки прошлогоднего крыжо-

венного варенья. Особого. Которое на почках вереска настаивалось. Я берегла его к приезду Вашей матушки!

Белла выступила вперед. Она расправила плечи, готовясь принять на себя гнев хранительницы запасов. Рядом с этой монументальной женщиной тонкая фигурка герцогини казалась совсем хрупкой.

— Банку взяла я, Марфа, — тихо, но четко сказала Белла. — Около трех часов пополуночи. Мне нужен был сахар после... интенсивной физической нагрузки.

Марфа смерила ее взглядом с головы до ног. Задержалась на растрепанной прическе, припухших губах и следе засоса, который Белла тщетно пыталась прикрыть высоким воротником нового платья. Поняв, *какую именно* нагрузку имела в виду госпожа, кухарка неожиданно подобрела. Щеки пожилой дамы тронул легкий румянец.

— Охти ж, дело молодое, — протянула она, смягчаясь. — Крыжовник, он страсть какой полезительный для сил. Особенно мужской. Но предупредить надо было! Я б вам свежего хлебца нарезала, чтоб зубы не поломать, банка-то старая, стекло твердое.

Белла опешила. Она ожидала угроз, вызова стражи, проклятий. Но никак не материнской заботы о сохранности зубов при поедании украденного варенья.

— Я возьму ущерб, — быстро сказала она. — Приказываю доставить в ваши погреба двадцать бочек вина урожая тысяча сотого года и ящик соленой рыбы из Южных морей.

Марфа всплеснула руками. — Господь с вами, деточка, какая рыба! От нее жир везде, мухи плодятся. Лучше вон... пуд муки пшеничной, крупчатки. И мешок сахару. Буду вам на свадьбу торт печь. Настоящий, медовый, в семь ярусов. А то знаю я этих ваших демонических кондитеров, напекут своих голых суккубов из марципана, стыдоба одна, желудок испортите.

Она обошла стол, подошла к Белле и, привстав на цыпочки (что было непросто при ее габаритах), покровительственно похлопала герцогиню по щеке. — А ты бойкая, — одобрительно проворчала Марфа. — Господину нашему такая и нужна. А то ходил тут, кис, как уксус. Взгляд волчий, слова лишнего не скажет, всех пугал. Теперь хоть смеяться начал. Глаз радуется. Береги его, девка. Он внутри мягкий, как воск, только показывать стесняется. Позор какой, великий демон, а простого счастья боится.

Белла стояла, хлопая ресницами. Впервые за долгие годы кто-то говорил с ней не как с оружием, угрозой или политическим капиталом. С ней говорили как с молодой женой, которая влезла в буфет за сладким.

— Я постараюсь, — выдавила она. — Вот и славно, — Марфа вернулась к своим книгам. — Ступайте, голубки. Вечером будет ужин нормальный, человеческий. Борщ, котлеты. А то ишь, привыкли сырое мясо жрать, дикари. Желудки небось ссохлись совсем.

Когда они выходили из кухни, Алекс плотно закрыл за со-

бой тяжелую дубовую дверь. Прислонился к ней спиной и посмотрел на жену. В его глазах плясали веселые искры.

— Добро пожаловать в семью, — сказал он. — Марфа приняла тебя. Это важнее одобрения Совета Кругов. Если кухарка тебя невзлюбит, она может отравить весь замок, просто недосолив суп каждому индивидуально.

Белла прислонилась к стене коридора. Ноги вдруг стали ватными. Адреналин, поддерживавший ее всю ночь и утро, начал отпускать. Она провела рукой по лицу. — Твоя домработница пугает меня больше, чем вся твоя армия, — призналась она. — Она назвала меня «деточкой». Я, вырезавшая три гильдии контрабандистов, стояла и краснела перед женщиной с половником.

— Это инициация, — Алекс подошел ближе, снял несуществующую пылинку с ее плеча. — Теперь ты официально часть дома. Свита в ужасе, армия благоговеет, кухня любит. Неплохой результат для первого утра.

Он поднял руку и осторожно коснулся синяка на ее шее. — Нужно попросить Марфу заварить крыжовник с медом. Живляет такие следы лучше любой некромантии. Хотя... — его палец скользнул ниже, очерчивая линию челюсти. — Мне нравится оставлять следы. Напоминает о том, что ты настоящая.

Белла перехватила его руку. Крепко сжала. — Я настоящая, Алекс. И я остаюсь здесь. Но запомни одну вещь, которую твоя милая Марфа, похоже, понимает лучше тебя.

Она притянула его руку к своему рту. Поцеловала костяшки пальцев. Это был жест нежности, от которого веяло холодом древних склепов. — Мягкий воск легко плавится. Но если смешать его с моей закаленной сталью, получится сплав, который не берет ни ангельский огонь, ни время. Мы либо сгорим вместе, либо станем неуязвимы. Третьего не дано.

— Я люблю сложные задачи, — ответил он, притягивая ее к себе для поцелуя.

Где-то в глубине замка часы пробили полдень. Первый день их совместной жизни перешел экватор. За стенами дворца империи грызли локти от неизвестности, мать-демонесса готовила самые изощренные проклятия, а Совет Кругов подсчитывал убытки от падения акций.

А в самом сердце Бездны новобрачные просто стояли в коридоре, целуясь на виду у перепуганных теней-лакеев, доказывая всем мирам, что самая опасная сила во Вселенной — это союз здравого смысла и абсолютного безумия.

Глава 4. Маска для смертных

Солнце над столицей Империи, городом Астерией, палило нещадно. Для Алекса ди Фальконе, привыкшего к вечному багровому сумраку Бездны и стерильному холоду мраморных залов своего замка, жара была физическим оскорблением. Пот струился по спине под плотным сукном дорожного камзола, а вонь — смесь конского навоза, гниющих овощей из сточных канав и дешевого человеческого парфюма — казалась ему концентрированным ядом.

— Я совершил стратегическую ошибку, — процедил он сквозь зубы, стараясь дышать ртом. — Мне следовало просто сжечь этот квартал дотла. Это сэкономило бы нам время и спасло мои легкие от туберкулеза.

Белла, идущая рядом по раскаленной брусчатке улицы Медников, лишь тихо рассмеялась. В отличие от мужа, она выглядела абсолютно комфортно. На ней было простое, но элегантное дорожное платье темно-зеленого цвета, скроенное так, чтобы не стеснять движений, и широкополая шляпа, бросающая тень на лицо. Никакой магии крови, никаких демонических аур. Просто красивая, очень уверенная в себе молодая женщина из высшего света.

— Прекрати шипеть, как закипающий чайник, — сказала она, беря его под локоть. Ее пальцы крепко сжали ткань его рукава. — Если ты сейчас превратишь вон того золота-

ря в горстку пепла за то, что он обрызгал твои сапоги, наша маскировка пойдет прахом. Мы здесь инкогнито. Герцог ди Фальконе сидит в своем замке и ждет мамочку. А мы — это просто граф фон Штейн и его скучающая супруга, приехавшие скупать антиквариат и портить репутацию.

Алекс покосился на нее. Под маской «графа» скрывался все тот же архидьявол. Он надел иллюзию — безупречную работу Гроша, которая меняла цвет его глаз с пронзительно-алого на обычный карий, сглаживала резкость черт лица и прятала ауру первородного мрака. Но внутри иллюзии бушевала буря. Ему было тесно в человеческой коже.

— Скучающая? — переспросил он. — Ты только что улыбнулась уличной торговке яблоками так, что та забыла отсчитать сдачу и едва не описалась от восторга. Твоя версия скуки выглядит как подготовка государственного переворота.

— Это называется «сбор данных», — Белла остановилась у лотка, взяла румяное яблоко и небрежно протянула торговке серебряную монету номиналом в десять раз больше стоимости фрукта. — И расслабление мышц челюсти. У тебя слишком напряженный вид. Люди вокруг должны думать, что ты страдаешь запором, а не планируешь геноцид.

Она откусила яблоко с громким, сочным хрустом. Капля сока стекла по ее подбородку. Алекс поймал себя на мысли, что хочет слизнуть эту каплю прямо сейчас, посреди рыночной площади, наплевав на сотни свидетелей.

— Запор подразумевает наличие чего-то твердого внутри, — огрызнулся он. — После утреннего визита на кухню Марфы я чувствую себя воздушным шариком, наполненным борщом и котлетами. Зачем мы вообще спустились сюда? Шелк можно телепортировать в замок. Торговцев можно вызывать в пыточную.

— Потому что шелк там будет стоять втридорога, а страх убивает вкус ткани, — Белла выбросила огрызок в урну с точностью профессионального игрока в дартс и потащила его в узкий переулок, ведущий к кварталу Золотых Нитей. — Кроме того, тебе нужно учиться быть человеком. Хотя бы иногда. Смотри и учись.

Квартал Золотых Нитей встретил их благовониями и звонком колокольчиков. Здесь пахло деньгами. Дорогими духами, сандалом и особым сортом чая, который заваривали только для тех, чей годовой доход позволял купить небольшую провинцию. Витрины лавок сверкали стеклом и позолотой.

Их целью был салон мэтра Жюля — самого дорогого и самого беспринципного торговца тканями в столице. Мэтр Жюль продавал имперский шелк аристократам, которые потом перепродавали его друг другу, накручивая проценты, пока кусок ткани не начинал стоять как военный корабль.

Внутри царил прохлад. Тихая музыка лилась из-за бархатных ширм. Две бледные девицы-консультанты при виде

богатых клиентов вскочили, сгибаясь в угодливых поклонах.

— Добро пожаловать, Ваша Светлость... господин граф, — прощebetала старшая из них, узнавая гербовую булавку на камзоле «графа Штейна». Булавка была настоящим произведением ювелирного искусства, стоившим как годовая зарплата всего персонала салона. Иллюзия Алекса работала идеально, транслируя статус через детали. — Желаете посмотреть новинки сезона? Изумрудный атлас? Или, может быть, черный бархат с вытканными рунами скорби?

— Руны скорби вызывают у моей жены мигрень, — лениво бросил Алекс, опираясь на трость черного дерева. Наконечник трости был украшен крупным бриллиантом. — Нам нужен шелк. Много шелка. Лучший. Тот, которого нет в каталогах.

Глаза девушки заблестели. Она поняла главное слово: «нет в каталогах». Это означало контрабанду, эксклюзив и огромные чаевые. — Прошу вас в приватную комнату, господа.

Их провели в заднюю часть салона, отделенную тяжелой портьерой. Комната была устлана коврами, а посередине стоял низкий столик с охлажденным вином и фруктами.

Мэтр Жюль собственной персоной выплыл из полумрака спустя пять минут. Толстый, лысый человек с пальцами, унированными перстнями, и маленькими, острыми глазками хорька. Он двигался плавно, как акула в бассейне с кровью.

— Граф фон Штейн! — воскликнул он, растянув губы в

улыбке, которая не касалась глаз. — Какая честь. Чем обязан визиту столь высокого гостя? Обычно вы предпочитаете делать заказы через доверенных лиц.

— Сегодня я предпочитаю выбирать сам, — Алекс взял бокал вина, даже не пригубив его. — Моя жена решила обновить гардероб перед поездкой на Север. Ей взбрело в голову устроить благотворительный бал для сирот. Представляете? Сирот. Отвратительное зрелище, сопли и нищета, но женщины такие сентиментальные создания.

Белла сидела в глубоком кресле, закинув ногу на ногу. Услышав последнюю фразу, она медленно повернула голову и посмотрела на мужа. В ее красных глазах мелькнул опасный огонек, но голос остался сладким, как патока: — Не прибедняйся, дорогой. Ты любишь смотреть на сирот. Особенно когда они дерутся за корку хлеба. Это напоминает тебе о твоём тяжелом детстве в Преисподней.

Мэтр Жюль нервно хихикнул, переводя взгляд с одного на другую. Эта пара излучала странную, почти осязаемую угрозу, скрытую под слоем светского блеска. Они говорили ужасные вещи с улыбками на лицах.

— Итак, шелк, — напомнил торговец. — У меня есть редчайший лунный шелкопряд. Его нить тоньше волоса ангела. Платье из такой ткани стоит...

— Десять тысяч золотых империалов, — закончила за него Белла. — Я знаю прайс-лист Гильдии Купцов, мэтр Жюль. Вы купили партию этого шелка три дня назад у капи-

тана корабля «Морская Дева» за тысячу двести монет. Налоги уплачены. Таможенные сборы составили еще сотню. Ваши накладные расходы — аренда этой пыльной комнаты и жалованье этим двум дурочкам — еще пятьсот. Ваша чистая прибыль должна составить восемь тысяч двести. Почему вы хотите продать мне отрез ценой в две тысячи?

Улыбка сползла с лица торговца. Перстни на пальцах побелели от напряжения. — Госпожа обладает поразительной осведомленностью для дамы, интересующейся тряпками, — проскрипел он. — Цены диктует рынок. Редкость товара...

— Рынок диктует цены трусам, — перебила Белла. Она встала. Каблуки ее сапожек звонко цокнули по паркету. — А умные люди знают реальную стоимость вещей. Мое условие, мэтр Жюль. Вы продаете мне весь остаток партии лунного шелка — двадцать рулонов — по цене закупки плюс десять процентов вашей честной прибыли. То есть за полторы тысячи золотом за всё.

Жюль поперхнулся воздухом. — Двадцать рулонов?! Миледи, да ими можно обернуть королевский дворец! Это товар года! Мой лучший клиент, герцог Орлеанский, ждет эти рулоны послезавтра!

— Герцог подождет, — вмешался Алекс. Он сделал глоток вина. — Видишь ли, Жюль, моя жена немного расстроена. Утром наш повар недосолил ей яйцо. Когда моя жена расстроена, случаются несчастные случаи. Например, внезапные проверки налоговой инспекции. Или пожары. Гово-

рят, шелк отлично горит. Весь район выгорит часа за два. Было бы крайне печально, если бы огонь перекинулся на твой склад именно сегодня ночью.

Он говорил совершенно будничным тоном, рассматривая игру света в бокале. Но воздух в комнате стал ледяным. Мэтр Жюль физически ощутил, как давление реальности меняется. Иллюзия графа трещала по швам, пропуская сквозь щели истинную суть покупателя — бездну, готовую поглотить его душу за одно несвежее яйцо.

— Однако, — продолжил Алекс, ставя бокал, — мы люди цивилизованные. Мы верим в свободный рынок. Если ты откажешься продавать нам шелк по разумной цене, мы купим его у твоего конкурента. А завтра пустим слух, что мэтр Жюль торгует бракованным товаром, зараженным паучьей чумой. Выбор за тобой, толстяк. Полторы тысячи сейчас или банкротство завтра утром.

Торговец смотрел на Беллу. Женщина стояла неподвижно, сложив руки на груди. В ее алых глазах не было злобы. Там был холодный, математический расчет хищника, оценивающего вес добычи. Жюль понял: эти двое действительно сожгут квартал ради развлечения. И им это понравится.

— Вы... вы дьяволы, — выдохнул он. — Только наполовину, — мягко поправила Белла. — По мужу. Так что решай быстрее, у нас еще запланирован визит к ювелиру, а мой рогатый супруг начинает капризничать, когда голоден.

— Я согласен! — взвизгнул Жюль, бросаясь к бюро. —

Полторы тысячи! За всё! Сейчас оформлю векселя!

Спустя полчаса они вышли из салона. Два огромных тюка с шелком уже грузили в их закрытую карету расторопные слуги, которых Алекс материализовал из теней переулка (иллюзия простых носильщиков обошлась ему в минимум энергии).

На улице Белла наконец позволила себе расслабиться. Она запрокинула голову к солнцу и расхохоталась. Громко, заливисто, совсем не по-аристократически.

— Ты видел его лицо? — простионала она, держась за живот. — Он думал, что грабит мир, а оказалось, что всю жизнь был мальчиком на побегушках у пары садистов! Пятнадцать сотен чистой прибыли сверху, Алекс! Плюс те восемь, что он заложил изначально. Мы богаче на шесть с половиной тысяч монет за пятнадцать минут прогулки.

Алекс открыл перед ней дверцу кареты. Внутри было прохладно, обито темным бархатом и пахло кожей и озоном. — Ты ограбила человека среди бела дня, используя налоговое законодательство и угрозу армагеддоном, — сказал он, заходя следом и закрывая дверь. Карета тронулась. — И ты счастлива.

— Конечно, — она плюхнулась на диванчик напротив. Одним движением сбросила шляпу, позволяя волосам рассыпаться по плечам. — Это самая азартная игра. Не война, где всё решают армии. А поединок интеллектов. Он думал

категориями жадности. Я ударила его со стороны страха и логики. Он сдался мгновенно.

Она достала из внутреннего кармана платья маленькую записную книжку в кожаном переплете. Открыла ее. Страницы были заполнены цифрами, схемами поставок и именами. — Кстати, капитан «Морской Девы» тоже ворует у поставщика. Закупает шелкопряда в полтора раза дешевле, списывая на «гибель личинок». Я оставила пометку. Надо будет зайти к нему вечером. Предложить «страховку» от пиратов.

Алекс сел рядом. Пространство кареты сразу стало тесным. Он притянул ее к себе, заставляя положить голову на свое плечо. — Ты чудовище, — прошептал он, зарываясь лицом в ее волосы. — Экономическое чудовище.

— Я твоя жена, — промурлыкала она. — Мы — одна сатана. В буквальном и переносном смысле. Куда теперь? К ювелиру? Хочу кольцо, которое душит одним щелчком застежки. Практичная вещь для приемов.

— Нет, — Алекс провел рукой по ее шее, большим пальцем очерчивая линию ключиц. — Ювелир подождет. Наш план развлечений неполный без главного пункта.

— Какого же? — она подняла на него глаза, в которых плескалось расплавленное золото предвкушения.

— Обеда в самом грязном трактире Нижнего города, — ухмыльнулся демон. — Я хочу жареной требухи, кислого пива и драки. Настоящей. Где стулья летают над головой. Этот

шелк жжет мне карман, а тратить деньги на кружевные платки я отказываюсь. Пойдем опустошать трущобы, леди-экономист.

Белла хищно оскалилась. Маска богатой графини таяла, уступая место лицу наемницы, которой палец в рот не клади. — Требуха? — переспросила она, расстегивая верхнюю пуговицу своего строгого платья. — Надеюсь, там будут мозги. Я читала, что жареные бараньи мозги обостряют интуицию. Мне нужно придумать схему обхода монополии гильдии угольщиков до вечера.

Карета свернула в сторону порта, оставляя позади роскошные особняки Верхнего города. Воздух снова начал портиться, становясь соленым и тяжелым от запаха рыбы.

Трактир «Ржавый крюк» располагался в подвале старого склада. Чтобы попасть внутрь, пришлось спускаться по скользким ступеням, рискуя сломать шею. Внутри стоял густой туман от табачного дыма, запах прокисшего эля и немытых тел. Освещалось помещение лишь тусклым светом нескольких коптящих масляных ламп.

Как только парочка спустилась в общий зал, разговоры оборвались. Моряки, докеры, мелкие бандиты и дешевые проститутки замерли, разглядывая новоприбывших.

«Граф фон Штейн» в своем безупречном камзоле стоимостью в корабль выглядел здесь как вестник небесного суда. Белла в зеленом платье, подчеркивающим каждый изгиб

фигуры, выглядела как самый дорогой приз, за который тут же начнут резать глотки.

За дальним столом компания речных пиратов играла в кости. При виде Беллы один из них громко присвистнул. — Какие кошечки спускаются в наши края, — пробасил детина с татуировкой осьминога на лбу. — Заблудились, цыпочки? Или муж решил избавиться от супруги, оставив ее нам на забаву?

Его дружки загоготали. Один из них похлопал себя по колену. — Иди сюда, богатенькая. Покажу, как простые парни умеют любить. Бесплатно.

Алекс вздохнул. Он положил руку на набалдашник трости. Дерево начало едва заметно дымиться. — Белла, — протянул он, не поворачивая головы. — Можно я его убью? Все-го одного. Я обещаю сделать это быстро и относительно чисто.

— Сядь, рогатый, — одернула его рукав Белла. Она сделала шаг вперед, выходя из тени мужа. — Господа, — обратилась она к пиратам. Голос ее изменился. Исчезли манерные нотки аристократки. Теперь это был голос человека, привыкшего командовать виселицами. — Ваш товарищ страдает базедовой болезнью. У него выпучены глаза, и он плохо контролирует слюноотделение. Рекомендую обратиться к лекарю. Иначе следующая стадия — неконтролируемое мочеиспускание. Прямо в штаны.

Главарь пиратов встал. Огромная туша мяса, возвышаю-

щаяся над столом. Он навис над Беллой, распространяя перегар. — Ты зря открыла свой хорошенький ротик, птичка...

Договорить он не успел.

Белла не двинулась с места. Она просто смотрела на него. А затем моргнула. Обычное, быстрое движение век. Но в этом моргании высвободилась крошечная, микроскопическая доля ее магической сути. Не вспышка, не взрыв. Просто импульс абсолютной доминации.

Пират замер. Его глаза остекленели. Нижняя челюсть безвольно отвисла. Капля слюны сорвалась с губ и упала на грязный стол.

— Как я и говорила, — спокойно продолжила Белла, проходя мимо застывшего гиганта и направляясь к стойке трактирщика. — Недержание. Позор какой. Мужики пошли хилые, никакого самообладания.

Весь трактир смотрел на главаря банды, который стоял посреди зала с мокрым пятном, стремительно расползающимся по парусиновым брюкам. Его друзья боялись дышать.

Трактирщик — одноглазый орк с повязкой поверх пустой глазницы — невозмутимо протер стакан грязной тряпкой. — Чего желаете, господа хорошие? — спросил он, глядя почему-то только на Беллу. — Есть отличный гуляш. Вчера мяукал, сегодня молчит. Почти свежий.

— Два гуляша, — кивнула Белла. — Порцию мозгов, если остались. И ведро воды. Нужно привести в чувство моего спутника, он упал в обморок от вони.

— Эй! — возмутился Алекс, подходя к стойке. — Я не падал в обморок! Я сдерживал рвоту! Это вопрос мужской гордости!

— Гордость оставь для Совета Демонов, — она села на высокий табурет. — Садись, герой. Иними этот дурацкий камзол. Ты вспотел, от тебя несет розами и преисподней. Меня сейчас стошнит по-настоящему.

Алекс послушно снял камзол, оставшись в одной тонкой льняной рубашке. Иллюзия начала давать сбои от близости такого количества низменных человеческих эмоций — страха, похоти, отчаяния. Его глаза предательски вспыхнули красным в полумраке.

Орк-трактирщик посмотрел на красные глаза, потом на абсолютно спокойную женщину рядом, и понимающе кивнул. — Братья по цеху? — хрипло спросил он. — Гильдия Теневых Контрактов? Редко заходите полным составом.

Белла удивленно приподняла бровь. — Угадал, зеленый. Глава восточного отделения. Пришла проверить санитарные нормы. У тебя крысы размером с собаку, кстати. Завтра пришлю бригаду дератизаторов. Будут работать бесплатно. В качестве практики.

— Понял, хозяйка, — орк бухнул на стойку две миски с дымящимся варевом. — Крысу убрать? — Оставь. Добавит колорита.

Они принялись за еду. Ели руками, не стесняясь. Белла поглощала гуляш с аппетитом лесоруба после долгой зимы.

Алекс ковырялся в своей тарелке вилкой, которую достал из воздуха.

— Тебе нравится эта грязь, — заметил он, наблюдая, как она облизывает пальцы. — Почему? Ты могла бы вечно жить в моем замке, принимая ванны из молока единорогов.

Белла отложила ложку. Вытерла рот рукавом дорогого платья, окончательно уничтожая его парадный вид. — Потому что здесь честно, — ответила она, глядя на пьяного матроса, блюющего в углу. — Там, наверху, в нашем мире, все носят маски. Личины добродетели. Графиня скорбит об умершем муже, а сама спит с его братом. Священник проповедует смирение, а сам считает монеты бедняков. Все играют роли.

Она отпила пива из глиняной кружки. Поморщилась. — Горькое. Но настоящее. А здесь... — она обвела рукой зал. — Никто не притворяется. Этот парень крадет кошельки, потому что хочет жрать. Та шлюха в красном продает тело, чтобы купить лекарства ребенку. Мерзавцы, убийцы, отбросы. Но они настоящие. Их мотивы просты. Мне не нужно плести интриги на десять ходов вперед, чтобы понять, кто кого кинет. Здесь всё решается сталью или золотом. Прямо. Без лишней поэзии.

Она посмотрела на Алекса. В свете лампы ее лицо казалось уставшим, но невероятно живым. — Ты ненавидишь фальшь высшего света. Поэтому женился на мне. Я — единственная, кто пришел в твой дом без маски. И я люблю Ниж-

ний город за то же самое. Здесь никто не пытается казаться лучше, чем он есть.

Внезапно двери трактира с грохотом распахнулись. Внутрь ввалился отряд городской стражи — десяток вооруженных людей в ржавых латах. Судя по их неуверенному виду и тому, как они сбились в кучу у входа, сюда их привело не желание собирать налоги.

— Именем Императора! — крикнул сержант, пытаясь придать голосу басистость, хотя от страха он дал петуха. — Проверка документов! Всем оставаться на местах!

Трактир замер. Для таких заведений появление стражи обычно заканчивалось массовой резней или массовыми арестами. Ни то, ни другое не входило в планы Беллы на вечер.

Один из стражников, самый молодой и глупый, ткнул копьем в сторону стола, где сидел Алекс. — А ну-ка, благородный, предъяви подорожную! Что забыл в нашей грязи?

Алекс медленно поднял голову. Иллюзия графа окончательно рухнула. Красные глаза заполнили собой орбиты. Черты лица заострились, обнажая истинную природу. Температура в зале упала градусов на десять. Пар изо рта стражников превратился в иней.

— Я забыл дома свои документы, — ровным голосом произнес Архидьявол. — Зато помню дорогу обратно в Бездну. Хочешь проводить меня, мальчик? Я покажу тебе свою детскую коллекцию черепов.

Молодой стражник побледнел. Копье в его руках затряс-

лось. Остальные начали медленно пятиться к выходу, осознавая, какую ошибку совершили.

— О, ради всего святого, — закатила глаза Белла. Она допила пиво, поставила кружку с громким стуком и встала. — Испортили аппетит.

Она подошла к сержанту. Мужчина был вдвое шире ее в плечах, но сейчас он съежился, словно школьник перед директором. — Значит так, служивые, — заговорила она тихим, вкрадчивым голосом. — Вы зашли случайно. Искали публичный дом этажом выше, ошиблись лестницей. Мы — уважаемые меценаты, обсуждали пожертвование сиротскому приюту.

Она вытащила из декольте тяжелый мешочек. Звякнуло золото. — Вот. Пятьдесят империалов. На новые шлемы. Чтобы блестели ярче и вам не было стыдно за ваш непрезентабельный вид перед настоящими преступниками.

Она всучила мешочек в дрожащие руки сержанта. — А теперь проваливайтесь. И если Император спросит, видели ли вы в Нижнем городе герцога ди Фальконе, отвечайте, что он был одет в костюм шута и жонглировал пудингом. Ясно?

Сержант часто-часто закивал. Развернулся и, толкая своих подчиненных в спины, ринулся к выходу. Через секунду снаружи раздался топот десятков ног, бегущих прочь.

Белла вернулась за стойку. Лицо орка-трактирщика выражало крайнюю степень религиозного экстаза. — Госпожа... — просипел он. — Да за вами хоть в самую Геенну...

— Расслабься, зеленый, — Белла бросила на стойку еще одну золотую монету. — За моральный ущерб. И скажи спасибо, что мы не вызвали мою свекровь. Вот тогда бы тебе точно понадобились новые кирпичи для ремонта фундамента.

Она взяла чистую салфетку, тщательно вытерла руки, затем промокнула губы. Поправила растрепавшиеся волосы.

— Ну вот, — сказала она удовлетворенно. — Теперь можно и к ювелиру. Адреналин хорошо разгоняет кровь перед примеркой бриллиантов. День прошел не зря.

Алекс смотрел на нее, сидя за столом среди объедков и луж блевотины. Он смотрел на женщину, которая только что подавила волю отряда стражи взглядом, договорилась с орком-бандитом и съела подозрительный гуляш в самой мерзкой дыре столицы.

И он понимал, что влюбляется в нее заново. Не как одержимый собственник, желающий обладать уникальным артефактом. А как равный — восхищающийся мастерством другого мастера.

— Идем, — сказал он, поднимаясь и накидывая камзол на плечи. — Но плащ я понесу сам. Твой испачкался в жире.

— Ты невыносим, — фыркнула Белла, беря его под руку. — Но зато с тобой никогда не бывает скучно. Следующая остановка — ювелирная лавка Исаака. Попробуем убедить его, что алмазы растут на деревьях. Посмотрим, сколько карат выдержит его сердце.

Они вышли из «Ржавого крюка» обратно в шум и вонь портового города. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Идеальный фон для правителей Преисподней, вышедших на ночную охоту за развлечениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.